

Николаева С.Ю.

«О, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОК ЗАПАХ...»

(о сборнике стихотворений С.В. Герасимова «Облака. Избранные строки». – Тверь: Тверская областная типография, 2013. – 176 с.) // Литературный альманах «Тверь». Тверь: Изд-во «Ванчакова линия», 2014. Вып. 14. С. 295-304.

Перед нами вторая книга стихотворений тверского поэта Сергея Владимировича Герасимова. Первая – «Зима сомнений» – вышла в 2001 г. в Тверском областном книжно-журнальном издательстве с предисловием А.Ф. Гевелинга. Патриарх тверской поэзии тогда справедливо отметил важную особенность творчества С.В. Герасимова: мысль для него – «привычное оружие». И действительно, поэзия мысли, традиции которой основали Батюшков, Баратынский, Тютчев, Тургенев, Бунин – вот русло, в котором развивается талант тверского автора. Лирическая философская медитация – пожалуй, его излюбленный жанр.

Практически все стихи «Зимы сомнений» вошли в новый сборник, но вместе с тем объем книги значительно увеличился, точнее – удвоился, написаны новые произведения, и к заглавию «Облака» присоединен подзаголовок: «Избранные строки». Это значит, сборник носит итоговый характер, является этапным для автора. Отринуто все случайное, оставлено главное, драгоценное, идущее от самого сердца и многократно осмысленное. Правда, следить за движением мысли поэта внимательному читателю было бы легче, если бы автор более системно подошел к датировкам стихотворных текстов. Как почти все тверские поэты, С.В. Герасимов указывает даты создания своих стихотворений крайне редко, и это затрудняет восприятие его творчества. Поэзия – это движение, это история души лирического героя и самого автора, это некий путь, и даты – вехи на пути.

Можно предположить, что «Зимой сомнений» С.В. Герасимов 12 лет назад наметил для себя некую перспективу и теперь вышел к читателю с творческим отчетом: вот что у меня получилось... И действительно, читая книгу, убеждаешься: поэт остался в круге тех идей, тем, образов, сюжетов, мотивов, которые владели им изначально, но постарался углубить их, усилить их художественную сторону, усовершенствовать форму. Он дописывал начатое, исследовал и детализировал найденное и открытое, создавал новые ответвления и продолжения тех сюжетных линий, которые возникли еще в первой книге. Можно сказать, поэт посадил молодое дерево, которое за минувший срок выросло и превратилось в зрелое, высокое дерево.

Например, исторический пласт размышлений С.В. Герасимова, представленный диптихом «Прощание» (в него вошли два монолога - Анны Кашинской и Михаила Тверского), в новой книге дополнен стихотворным переложением фрагментов «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. И если образы Анны и Михаила достаточно традиционны и при их воссоздании объективно трудно избежать дидактики, утяжеляющей поэтический слог не вполне мотивированным переносом («Что же может еще на земле благород-

ней // Быть, чем смерть во спасение следом идущих»), сложно преодолеть опасность шаблонизации, формульности, этикетности («Лучше душу свою положу, госпожа, // За Христовое стадо, за веру, за Тверь»), избавиться подчас от синтаксической некорректности фразы («И зловещая птица глядит из кустов, // Верещит, заглушая, что молвил Господь»), то монолог, написанный от лица умирающего тверского купца Афанасия Никитина, – образец истинной поэзии. Вероятно, помог текст-первоисточник, обладающий высшими художественными достоинствами, но и мастерство самого автора здесь бесспорно. Бережно воссоздавая канву ключевых слов «Хожения», С.В. Герасимов нанизывает на эти слова-опоры свою поэтическую строку:

...В Иллайзе – ярмарки пестрота,
Речь мудрена у населя...
Пышна роскошь бар, беднота ж – нага,
У смугляночек – ножки босы.
Ловко носят кувшинцы на головах
Чаровницы черноволосы...
<...>
...Пусть *жемчужина* – южная та страна,
Где слоны в золоченом убранстве
На широких спинах возят бояр,
Только Русь наша краше, братцы...

Стих, близкий к народному, краткие прилагательные – энергичные штрихи словесной кисти, лаконичный, экономный синтаксис, неизбитая звукопись помогают автору создать многогранное, но при этом невероятно сжатое, концентрированное, панорамное изображение чужой земли и культуры: лирический герой словно внутренним взором обозревает новый мир, который ему довелось увидеть. Уменьшительно-ласкательные формы слов, разговорные слова и выражения позволяют поэту выразить любовь Афанасия Никитина к этому миру, любование и восхищение им, трезвое восприятие и радостное приятие этого мира. Вместе с тем простодушное «братцы» выдает тоску по родине, и мысленный взор тверского купца-путешественника возвращается на Русь.

Дополненными новыми строками оказались циклы стихов о творческом процессе и его перипетиях («Черновики»), о временах года (особенно «новогодний», «мартовский» и «апрельский», «сентябрьский» и «октябрьский» периоды, а кроме того, появился новый – «зимний», особенно трагический, отличный от «новогоднего», радостного, мотив: «Меркнет день над кромкою лесною...»). Расширилась «мысль семейная» («Герасимов!..», «Мячу детства», «Справка», «Курю», «Вот – могила отца...», «Георгию»). Появились новые страницы о братьях наших меньших («Лора», «Кулик», «Привереда», «Приблуда», «Про ужей», «Малыш»). Объем дополнений очень весом, и потому возникает необходимость «вникнуть в суть», как о том просит автор в своем послесловии, попытаться обобщить особенности его творчества.

Прежде всего хочется предостеречь читателя от восприятия поэзии С.В. Герасимова как поэзии пейзажной, «природоведческой», хотя сам он

своим эпиграфом к книге провоцирует именно такой путь прочтения: «Дай от всего, Всевышний, злого // Живое чувство убережь, // Перевести природы слово // На человеческую речь». На самом деле творчество С.В. Герасимова не столько природоведческое (хотя любви к природе у него не отнимешь), сколько человековедческое и, более того, теоцентристское, так как в основе системы ценностей автора, его художественной аксиологии – Всевышний, Бог, совесть, душа: «Отец, я знаю, смерти нет...»; «Стыд – судьбы поводырь, мой духовный оплот». Один из устойчивых, повторяющихся образов С.В. Герасимова – свет («доверчивый», «природный, нетронутый», всегда «струящийся» с небес, «Фаворский»), символ высшего смысла бытия человеческого, символ присутствия Бога в этом мире:

Не в свете ль том растворены
Любовь, и грусть, и жизни краткость,
И сердца смутная догадка
Перед Творцом своей вины?..

- и вместе с тем символ человеческой живой души, символ одухотворенности и очеловеченности этого мира:

Но свет струится, не иссяк.
Его березы нороят
Поймать стволами и листвою –
И отдают – бери! – с лихвою,
Пылая с головы до пят.

Безусловно, С. Герасимова следует признать мастером природных зарисовок и картин. Не поворачивается язык сказать «пейзажей», потому что в его стихах минимум описательности. А такие образы, как «мимолетний дождь», «земляничные поляны», «пряные стога», «ромашковый луг», «пьяная прель», «молодильных яблок запах», «солнечный лист», «ветер соловьиный», «бесшабашная пичуга». «уловки ветра» соседствуют с выражениями: «удача-ветреница», «счастливых глаз разлив», «просроченная грусть», «душенька воскресшая», «молитвенный слог», «предзимний озноб», «вселенский звук», «вселенские напасти», «вселенское зло». «чувства вселенской глубины» (кстати, эпитет «вселенский» был излюбленным у Н. Тряпкина и Ю.Кузнецова). Иначе говоря, природные мотивы и образы вписаны в сознание лирического героя, становятся частью его внутреннего мира и «вочеловечиваются». Зачастую они превращаются в развернутые метафоры:

Земля, земля, я твой родник –
И этим счастлив без предела!

<...>

Он все спешит, судьбы дитя,
К большой реке, еще не зная,
Что с шумом радостным, шутя
Он вырывается из рая.

За окошком
Медленно, с ленцою
Падал снег, мечтая о пурге.
Тихо-тихо...
И заря лисою

Схоронилась в дальнем сосняке.

Но тем обидел зиму и
Шутя довел до слез.

В целом метафоры у С. Герасимова отличаются новизной, свежестью, выразительностью: «Струится жизнь иная из земли», «Где, сбросив снежную броню, // Лесок спешит надеть обновки», «Зиму стряхивать с плеч // У деревьев учусь», «Уснувшим дачникам в деревне // Рассвет кузнечики куют», «Поэт наедине с самим собой // И со Вселенной всей у изголовья», «Струится жизнь иная из земли», «Нас окатив водицею живою, // От засухи душевной отрешись» (о ливне).

Думается, новизна и сила метафорического стиля С. Герасимова в его традиционности, историзме, опоре на определенную литературную традицию. В данном случае – древнерусскую. Так, в строках: «Зависть сеет раздоры на наших полях, // Урожай собирая слезами сирот», – чувствуется ассоциативная связь с древнерусскими историческими и воинскими повестями, в которых говорилось о нестроениях в Русской земле. Но дело не только в той или иной отдельной реминисценции, а в самом стилевом приеме, принципе, которым пользуется поэт. Исследователи древнерусской литературы выделяют метафорически-символический стиль, который возник как результат стремления писателей увидеть и выразить связь мира материального и духовного. Именно поэтому они использовали так называемые устойчивые словесные формулы, метафоры-символы, которые соединяли в одно образное целое понятия конкретные, описывающие окружающий мир, и абстрактные, из сферы морали, нравственности, веры, богословия. Например, знаменитый древнерусский писатель-проповедник Кирилл Туровский в своих торжественных «словах» использовал весенний и зимний пейзажи, чтобы показать радость христиан в праздники Рождества или Воскресения Христова, осудить безбожие и ереси. Картины зимнего умирания и весеннего возрождения природы он символически истолковывал как духовное умирание неверующего и возрождение души человека, обратившегося к Богу. Поэтому в сочинениях Кирилла Туровского есть такие выражения, как «зима греховная», «лед неверия», «зима кумирслужения», «земля естества нашего», «бурные ветры» – «грехотворные помыслы», «весна – красная вера Христова», «безбожная зима». Протопоп Аввакум в своем «Житии» тоже уподоблял безбожие лютой зиме. Ужасаясь реформам Никона, он писал: «... видим, яко зима хочет быти; сердце озябло и ноги задрожали»; «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе. Говорить ли мне или молчать?»

Метафоры-символы, созданные с опорой на эту традицию, – сильная сторона стиля С. Герасимова. Можно привести такие образцы, как «зима сомнений», «поле сражений судьбы», «судьбы родники», «земля бесконечных сомнений», «засуха душевная», «свечка веры», «улов воспоминаний», «болото греховности», «лабиринт злобы», «ночи плен», «щемящая скрипка ветра». Конечно, поэт не копирует литературные источники, а делает на их основе собственные художественные обобщения:

*Судьбы коварны воды,
Так изведут, хоть плачь:
Измен водовороты
И мели неудач...*

Выводы эти не имеют религиозно-назидательного характера, хотя тема веры, «света Фаворского» как необходимой основы жизни современного русского человека является сквозной в сборнике. Разочарование, несбывшиеся надежды, посрамленная гордыня молодости и переосмысление всей прожитой жизни на пороге «осени» и «зимы» – таков духовный путь, проделанный лирическим героем С. Герасимова:

*И стоит человек на сгоревшей листве,
На багряных углях безоглядных стремлений.*

Неординарно решается в книге С. Герасимова и старая, как мир, проблема поэта и поэзии. Назначение поэта понимается по-пушкински (поэт – пророк, посредник между Богом и людьми), но и по-своему, с сокровенной, смиренной интонацией, без «жгучих глаголов»: «Подмастерьем быть у Бога, // А иного – не дано»; «Поэт наедине с самим собой // И со Вселенной всей у изголовья». Творческим ориентиром для него становится и образ Бояна, который «аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу». В тверской поэзии этот образ уже использовался, ср. у Н. Тряпкина: «Громовая стрелка! // Владыка Перун! // Для вас эта белка // С Бояновых струн». Но С. Герасимову удается дать свою интерпретацию: «Белкой по стволу // Опять мой взгляд бежит к вершине...» Трепет поэтической мысли, ее энергия, ее нерв, ее движение, ее стремление к идеалу, к духовным высотам – вот о чем пишут оба поэта.

В стихотворении «Раздумья Левитана» С. Герасимов контаминирует названия полотен «Над вечным покоем» и «Вечерний звон» и говорит о духовном беспокойстве истинного художника, о непрерывно совершающейся работе его совести: «И лился, лился, не суля покоя, // Из-за реки, где монастырь белеет, // Вечерний вещий колокольный звон». Поэт у С. Герасимова – «поденщик совести».

С. Герасимов разрабатывает свою концепцию творчества, взаимоотношений искусства и жизни. Искусство не может быть простым воспроизведением действительности или исказить действительность в угоду конъюнктуре подобно кривому зеркалу, оно – если настоящее – должно вести читателя «К родникам заблудшей совести // Прочь – от зеркала кривого». Слезы и совесть поэта искупают грехи людей, и поэт не надеется на человеческую благодарность и понимание: «Молчит действительность на это, // Глухонемою при-творясь». Опять пушкинская тема – тема Эха, но решенная по-своему.

Еще одной интересной чертой стиля С. Герасимова является тонкая работа со звуковым обликом слова. Ярких образцов так много, что можно попытаться систематизировать их. Например, звукопись на сочетаниях *вс, св, ст, сп, ск*. Эти «свистящие» звукосочетания маркируют у С. Герасимова тревогу, напряжение духа, страх: «Кто сумеет ее от вселенских напастей спасти?», «Составы стучат на стыках», «С посвистом да с присвистом... //

Жить в смятенье *вихристом*», «Тучи, ставшие вдруг *василисками*, // Солнца диск потащили *вниз*».

Сочетания звуков *твр, рд, тртр, чр, гр, ср, рч, рщ, ств* (с обязательным дрожащим *р*, взрывными *д, т, з, п* и шипящими *ч, щ*) встречаются в тех стихах, где речь идет о сосредоточенности поэта на осмыслении и познании окружающего мира: «Затворничество с творчеством – в родстве», «Под таттарщину сорок», «Чаровницы черноволосы», «По графски – грач идет», «просроченная грусть».

Сочетания *зв, зн, зл, дз, сн, дн, мн, бл, дл, тл, ли, лы, плы, сли, обла, бол, вал, мал* (звонкие, плавные, сонорные) помогают выразить ласково-радостное восприятие мира лирическим героем, его любование миром: «Звеня новизной», «Небо вылило в осинник // Всю дневную синь», «Сентябрь, еще жива под полусонным солнцем // От щедрости твоей затворница-душа», «Коль наливкою малины // Так пьянил закат», «счастливых глаз разлив», «Листвой с лицом сливаясь, пели», «Плывут куда-то облака... // Обласкивая наши боли», «И лился, лился, не суля покоя», «До блеска вылизав эмаль, // Заваливался у порога», «счастливых глаз разлив», «предзимний озноб».

Есть и чисто изобразительные и очень традиционные варианты звукописи: «То по полю, то по пыли тропок и дорог», «пьяной прелью дыша» (взрывные твердые глухие губно-губные согласные имитируют топот, шорох, шелест, движение по некоему пути).

Но в основном фоника в текстах С. Герасимова не может быть понята буквально (как в последнем примере), она используется автором для создания внутренней рифмы, созвучия слов в стихе в целом, ради музыкальности, мелодичности, гармоничности стиха.

Есть в книге С. Герасимова и то, что требует дальнейшей работы, в чем поэт пока еще не достиг вершины своего развития. Так, например, социальный аспект проблематики совсем не чужд автору книги, но он словно бы стесняется расширить его. А может быть, просто еще не обмыслил как следует эти проблемы и копит наблюдения для будущих произведений? На страницах сборника встречаются точные зарисовки жизни и характеристики наших современников, которые «от глумленья эфирного пьяны», поэт обращается к ним как к Иванам, родства не помнящим, «отчий край пустившим с молотка». Душа нашего поколения «уже не помнит, что распята // Эфирным гнетом, вспышками свобод». Вместе с тем современник «духовной жаждою томим». И поэт призывает читателя «надеяться с веком вразрез», «жить с нелепым временем вразрез». Образец здесь – снова Пушкин: «Зачем он стал мне так необходим, // Поэт, поденщик совести? Как смог он // В тот душный век творить, и быть пророком, // И жить, духовной жаждою томим?»

«Душный век», «нелепое время», «с веком вразрез» – это, конечно же, штампы, банальности. «Душный век» – а породил Пушкина, и не его одного. «Нелепое время» – а в нем жили предки лирического героя С. Герасимова, дед, отец, пращур, Афанасий Никитин, Михаил Тверской, Анна Кашинская. Да, истинный поэт (художник, ученый) всегда идет «вразрез», но не с веком, а с людскими пороками, завистью, злобой, безверием. «Провозглашать я стал

любви // И правды чистые ученья – // В меня все близкие мои // Бросали бешено камня», – писал Лермонтов. Правда, любовь и вера во все времена сталкиваются с ложью, ненавистью и безверием. С ними же сталкивается и их преодолевает поэт. Дать концепцию своей эпохи, социально-историческую концепцию, не ограничиваясь мимолетным «душный век», – это сложная задача. И возможно, она требует работы в других жанровых формах – например, в жанре поэмы.

Если говорить о проблематике и композиции сборника, то можно увидеть, что автор пытался скомпоновать два раздела: «К родникам заблудшей совести...» и «Природный, нетронутый свет...» Как писал А.П. Чехов, «вся энергия художника» должна быть обращена на две силы – «человека и природу». Так и у С. Герасимова: судя по заглавиям, в первом разделе преимущественное внимание уделяется человеку (и замысел здесь выдержан довольно точно: мы наблюдаем жизненный путь лирического героя от детства к зрелости), а во втором разделе должен быть представлен «мир Божий», природа в широком смысле слова. Но нужно признать, что тематически и концептуально второй раздел оказывается несколько более рыхлым, размытым. Над композицией книги – если хотеть сделать нечто целостное, прочно сбитое – надо еще думать.

«Интертекстуальность» – без этого модного слова в наши дни никуда. Читателю всегда важно знать, каковы литературные ориентиры писателя, его эстетические и идейные предпочтения. И в сборнике С. Герасимова встречается целый ряд литературных параллелей, переключек, прямых и скрытых цитат. Так, например, стихотворение «Когда весенний первый ливень...» напоминает одновременно и тютчевское «Люблю грозу в начале мая...», и лермонтовское «Когда волнуется желтеющая нива...» Лермонтовская «Благодарность» («За все, за все тебя благодарю я...») чувствуется в стихотворении С. Герасимова «Двадцать строк женщине» («За все чудачества...»). Строка «Воображение услужливой рукой...» воспроизводит интонационный рисунок пушкинского «Воспоминания» («...Воспоминание безмолвно предомной своей длинный развивает свиток...»). Не хочется критиковать С. Герасимова за эти параллели, тем более что и сам Пушкин признавал: «Талант не волен, и его подражание не есть постыдное похищение – признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, – или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь». Но тем не менее представляется, что поэзия С. Герасимова более интересна и значительна в других своих образцах, а не там, где берется за основу хрестоматийная школьная строка.

Еще одно направление творческой работы С. Герасимова – это его эксперименты со словом, поиск точного, неизбитого, свежего, сочного русского слова, интересной рифмы. И здесь у него много находок, удач: «Тверца, кровинка Волги, // Утешница моя»; «Одержимый снегопад», «из чудимой страны», «Пошлец бочек – нудный водосток», «Весна... // Опять этот день, как картину, обрамит». Но есть и неудачи. «И одним мы грустим языком» – раз-

ве можно грустить или радоваться какими-либо частями брэнного тела, если для этого есть душа? «С *прослезенными* глазами» – глагол «прослезить» (а только от него можно образовать страдательное причастие «прослезенный») ну очень уж малоупотребителен и выглядит в тексте как экзотика. «Свет на счастье *раздаря*», «И курятник, клетку золотую, // Я птенцам своим не *завещу*» – здесь явные нарушения грамматики. «В людских сердец смятение // Вливал надежды смех», «Но не давала деревушка эта // Тоске приют и Пушкина строка» – синтаксис этих фраз таков, что прорваться к пониманию смысла текста невозможно. «Эмаль – пурга ль» – эта составная рифма формально хороша, но убивает смысл строки. Слушатель может переспросить на презентации: «А что такое (кто такой) пургаль?» Встречаются у автора и неоправданные переносы, в том числе сделанные ради соблюдения стихотворного метра и рифмы:

...И величье Земли, и проклятье веков, и
Шаг боится ступить: он еще не готов
К постиженью Божественной тайны Голгофы.

Для читательского восприятия рифма «веков и – Голгофы» неочевидна, для восприятия слушателя «векофы – Голгофы» созвучно, но непонятно, а если читать «разборчиво», с хорошей артикуляцией, как того требует настоящий перенос, – рифма исчезнет. Уместить «Голгофу» в стих не получилось. А жаль – стихотворение в целом хорошее.

Поэзия С. Герасимова – настоящая, и этим все сказано. Выпущенная книга – серьезный результат большой работы. Каково-то будет продолжение?